

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/sjrqqy>

Человек есть цифровая личность, или у человека есть цифровая личность?

Канакова Анна Евгеньевна

Алтайский государственный университет, Россия, Барнаул

<https://orcid.org/0000-0003-1912-4575>

kananna19@yandex.ru

Аннотация: Несмотря на важность роли, которую играет сеть Интернет, превалирующая часть процессов, осуществляемых в пределах виртуального пространства, находится вне сферы интересов законодателя. Существующие нормативные правовые акты регулируют отношения, изначально появившиеся в пределах реального мира, и не всегда способны учесть специфику отношений в виртуальном пространстве. Отсутствие необходимого правового регулирования связано с тем, что законодатель не может определиться, являются ли цифровые права и свободы новыми категориями или продолжением уже существующих правовых положений. В статье предпринимается попытка обосновать наиболее правильный подход. Цель – понять, существует ли цифровая жизнь и обособленная цифровая личность, или все, что происходит в цифровом пространстве, является продолжением конституционного права на жизнь, осуществляемого тем же субъектом права. Это нужно, чтобы осознать, какой подход к закреплению цифровых прав и свобод является наиболее корректным. Используются общенаучные (анализ, синтез, моделирование) и частнонаучные (сравнительно-правовой, формально-логический) методы познания. Анализируется конституционное право на жизнь; выделяются категории *цифровой образ* и *цифровая личность*; рассматривается природа и особенности этих категорий; предлагается вариант правового регулирования цифровых прав и свобод. Сделан вывод, что возможность существования цифровой личности зависит от выбранного законодателем подхода к регулированию цифровых прав и свобод. Если законодатель оценивает цифровые права и свободы как продолжение прав и свобод, существующих в реальности, то создание цифровой личности является невозможным, человек лишь формирует и воплощает свой цифровой образ в виртуальном пространстве. Если законодатель оценивает права и свободы как новую категорию, то создание цифровой личности является возможным, но только в контексте искусственного интеллекта.

Ключевые слова: право на жизнь, цифровой образ, цифровая личность, искусственный интеллект, право на цифровую жизнь

Цитирование: Канакова А. Е. Человек есть цифровая личность, или у человека есть цифровая личность? *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2024. Т. 8. № 1. С. 126–135. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-1-126-135>

Поступила в редакцию 12.01.2024. Принята после рецензирования 05.02.2024. Принята в печать 05.02.2024.

full article

Man Equals Digital Personality vs. Man Has Digital Personality

Anna E. Kanakova

Altai State University, Russia, Barnaul

<https://orcid.org/0000-0003-1912-4575>

kananna19@yandex.ru

Abstract: The Internet is an important part of modern life; however, most virtual processes are beyond the scope of legal control. The state as a legislator regulates relations that originate in the real world. As a result, the law often fails to take into account the specifics of virtual environment. The poor legal regulation comes from the fact that the legislator cannot determine whether digital rights and freedoms are new categories or a continuation of the existing legal provisions. In this article, the author attempts to identify the correct approach by answering the obvious question: Is there a digital life and a separate digital personality, or is the digital space a continuation of the constitutional right to life exercised by a real-life legal subject? The research relied on standard methods of cognition and specific scientific methods, e.g., comparative and formal logical analyses. While analyzing the concept of the constitutional right to life, the author defines the categories of digital image and digital personality in order to develop a variant of legal regulation of digital rights and freedoms. The validity of digital personality depends

on the approach the legislator chooses to regulate digital rights and freedoms. If the legislator sees digital rights and freedoms as a continuation of the rights and freedoms that exist in reality, a digital personality is impossible: it is a digital image of a real person in virtual space. If the legislator evaluates rights and freedoms as a new category, a digital personality is a valid concept, but only in the context of artificial intelligence.

Keywords: right to life, digital image, digital personality, artificial intelligence, right to digital life

Citation: Kanakova A. E. Man Equals Digital Personality vs. Man Has Digital Personality. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, 2024, 8(1): 126–135. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-1-126-135>

Received 12 Jan 2024. Accepted after review 5 Feb 2024. Accepted for publication 5 Feb 2024.

Введение

Объявленная в марте 2020 г. Всемирной организацией здравоохранения пандемия, связанная с распространением коронавирусной инфекции COVID-19, внесла изменения не только в функционирование процессов, имеющих государственное или региональное значение, но и в жизнедеятельность обычных людей. Трудовая, образовательная деятельность, межличностное и профессиональное общение стали доступны только посредством телефонной связи или специальных приложений, работающих через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет. Можно говорить о том, что широко известное умозаключение Рене Декарта: «Я мыслю, следовательно, я существую», в современном мире приобрело совершенно другую форму – «Я на связи, следовательно, я существую». Введенные режимы самоизоляции или карантина наглядно продемонстрировали, что отсутствие у человека средств связи, в частности доступа к сети Интернет, лишает его способности осуществлять привычные жизненные процессы.

Несмотря на важность роли сети Интернет в современном мире, превалирующая часть процессов, осуществляемых в пределах виртуального пространства, находится вне сферы интересов законодателя. Существующие нормативные правовые акты регулируют отношения, изначально появившиеся в пределах реального мира, и они не всегда способны учесть специфику отношений в виртуальном пространстве.

Представляется, что проблема отсутствия подобного регулирования связана с основополагающим вопросом понимания сущности прав, возникающих в сети Интернет. В отношении данного вопроса можно выделить две противоположные позиции [1; 2]. Согласно первой позиции, цифровые права являются совершенно новым видом прав, требующих не только формального обособления их в отдельную группу, но и особого регулирования в пределах новой отрасли права – цифрового права. Разделение реального и виртуального мира в рамках законодательства обладает как позитивными, так и негативными характеристиками. В частности, отдельное цифровое законодательство позволит не вносить изменения в действующие

нормативные правовые акты, что исключит вероятность образования коллизий, противоречий и пробелов в рамках одного института. Однако регулирование конкретных общественных отношений невозможно без предварительного закрепления базовых положений, которые придется либо разрабатывать с нуля, либо дублировать их, например, из гражданского права.

Вторая позиция заключается в том, что цифровое пространство не порождает никаких новых прав, которые бы уже не были закреплены в существующем законодательстве, оно лишь создает новые условия, в пределах которых необходимо учесть ряд особенностей. Такой взгляд на природу цифровых прав позволяет не разрабатывать новые институты и отрасли с нуля. Но он создает иные сложности, в том числе необходимость более скрупулезной проработки вносимых изменений, т.к. нужно не только вписать в законодательство новое явление, но и не разрушить существующее регулирование соответствующих вопросов. Следовательно, выбор модели правового регулирования поможет определить природу и содержание цифровых прав.

Цель – первостепенно понять, существует ли цифровая жизнь и обособленная цифровая личность, что предполагает необходимость учреждения права на цифровую жизнь, или все, что происходит в цифровом пространстве, это лишь продолжение офлайн-права на жизнь, осуществляемого тем же субъектом права. Это нужно для того, чтобы осознать, какой подход к закреплению цифровых прав и свобод является наиболее корректным.

Методы и материалы

Работа основана на анализе источников российского права, а также практических материалов российского и зарубежного права в сфере прав и свобод. Методологическую основу исследования составили общенаучные (анализ, синтез, моделирование) и частнонаучные (сравнительно-правовой, формально-логический) методы познания, которые способствовали всестороннему и предметному изучению поставленных вопросов.

Результаты

Рассмотрение вопроса, заявленного в статье, необходимо начинать с определения подхода к пониманию права на жизнь, существующего в оффлайн пространстве, т.к. несмотря на закрепление этого права на уровне важных, основополагающих международных актов¹, это не снимает вопроса о содержании данного права и о понимании самой категории *жизнь*.

Во-первых, нужно определиться, с какого момента начинается *жизнь* и, следовательно, появляется право на жизнь?

Согласно ч. 2 ст. 17 Конституции РФ 1993 г.², права и свободы принадлежат каждому от рождения. Из этого следует, что юридическим фактом, порождающим правовые отношения, выступает событие рождения, а не зачатия.

Указанное правовое положение нашло отражение в отраслевом законодательстве. Так, уголовное законодательство не рассматривает нерожденного ребенка как отдельную личность, отдельного субъекта, чьи права нарушены, а воспринимает его как часть организма женщины, фактически относясь к нему как к объекту права (ч. 2 ст. 105, 111, 123 УК РФ³).

Гражданское законодательство аналогично восприняло положения ст. 17 Конституции РФ о предоставлении прав только после рождения, признавая наследниками тех, кто был зачат при жизни наследодателя и родился живым после открытия наследства (ст. 1116 ГК РФ⁴). Причем законодатель не только определил момент рождения (момент отделения плода от организма матери посредством родов)⁵, но и установил критерии живорождения⁶, т.к. свидетельство о рождении на мертворожденного ребенка не выдается⁷. Следовательно, только ребенок, отделившийся от тела матери и способный на самостоятельное существование, получает право на жизнь. Таким образом, рассмотрение перспектив наличия и / или создания цифровой личности не будет касаться эмбриона или плода, находящегося в теле женщины.

Во-вторых, следует выявить содержание категории *жизнь* в контексте права на жизнь. В отношении данного вопроса сформировалось две точки зрения, которые можно обозначить как узкий и широкий подход к пониманию категории *жизнь*. В соответствии

с узким подходом жизнь рассматривается исключительно как форма биологического существования человека [3, с. 21]. В широком подходе наряду с биологическим компонентом учитывается еще и социальная составляющая [4, с. 56–58]. В таком случае человек рассматривается именно как личность, а значение приобретает не только факт биологического существования, но и вся его жизнедеятельность, осуществляемая до момента наступления смерти. В Российской Федерации право на жизнь закреплено в ст. 20 Конституции РФ, которая лишь констатирует факт наличия у человека права на жизнь, но не раскрывает конкретное содержание возможности, вынуждая выводить характеристики данного права посредством анализа иных нормативных правовых положений.

Не вдаваясь в дискуссии относительно перечня компонентов, составляющих право на жизнь, потому что указанный вопрос не является основным в рамках данной статьи, представляется правильным обозначить компоненты, которые традиционно относят к сфере реализации права на жизнь:

1. Право на безопасную жизнедеятельность (ответственность за убийство человека, причинение вреда здоровью, а также за угрозу причинения такого вреда).

2. Право на осуществление здоровой жизнедеятельности (поддержание жизни и здоровья населения, в первую очередь через меры медицинского (медицинское обслуживание, борьба с алкоголизмом, наркоманией и т.п.) и экологического (благоприятная среда обитания, качественные продукты и питьевая вода, запрет загрязнения окружающей среды и т.д.) характера).

3. Право на вовлечение в военные действия только после дипломатических попыток решения внутренних или внешних конфликтов.

Однако парадоксальным является то, что «все перечисленные выше компоненты права на жизнь направлены на сохранение только того, что человек получает с момента своего рождения. Такой подход к содержанию права на жизнь создает крайне специфическую юридическую конструкцию, когда человек, не имеющий проблем со здоровьем, проживающий в экологически благоприятном районе,

¹ Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948. *Международная защита прав и свобод человека*: сб. документов. М., 1990. С. 14–20; Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Там же. С. 53–57.

² Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. *СПС КонсультантПлюс*.

³ Уголовный кодекс РФ № 63-ФЗ от 13.06.1996 (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023). *СПС КонсультантПлюс*.

⁴ Часть третья Гражданского кодекса РФ № 146-ФЗ от 26.11.2001. *СПС КонсультантПлюс*.

⁵ Об основах охраны здоровья граждан в РФ. ФЗ № 323-ФЗ от 21.11.2011. *СПС КонсультантПлюс*.

⁶ О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке ее выдачи. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ № 1687н от 27.12.2011. *СПС КонсультантПлюс*.

⁷ Об актах гражданского состояния. ФЗ № 143-ФЗ от 15.11.1997. *СПС КонсультантПлюс*.

на чью жизнь никто не покушался и которого не призывали для участия в реальных военных действиях, не пользовался своим правом на жизнь. Формально можно утверждать, что право на жизнь у данного индивида имеется, но реально он его не использует, что несомненно противоречит самой сущности права на жизнь. По этой причине представляется правильным не ограничивать право на жизнь исключительно физиологическими характеристиками, а учитывать еще и социально-экономический аспект как законодательно обеспеченную возможность существования личности в обществе» [5, с. 188–189].

В таком случае право на жизнь как раз и приобретает статус основополагающего права, являющегося базой для всех остальных прав и свобод, ведь все узаконенные возможности и варианты поведения предоставляются именно лицу, обладающему правом на жизнь, т. е. человеку, признанному отдельной личностью на протяжении всей его жизни от момента рождения и до наступления смерти (смерть мозга или биологическая смерть⁸).

Но возможности лиц в рамках пространства сети Интернет на текущий момент не имеют четкой привязки к реальному миру, что вынуждает выявлять либо данную связь и обосновывать ее существование оффлайн-правом на жизнь, либо новую категорию, не противоречащую Конституции РФ, но и ею не запрещенную.

Если личность человека вне виртуального пространства неотъемлемо связана с его физическим телом и подлежит идентификации, то возникает вопрос появления и / или отражения человека в виртуальном пространстве. В целях получения доступа к сети Интернет необходимо совершить активные действия (установка оборудования, подключение услуги и т. п.). Стоит отметить, что заданный юридический факт не является основанием для порождения цифровой личности. Во-первых, человек, совершивший действия, направленные на получение доступа к сети Интернет, не обязан в последствии им пользоваться, использование, например, может осуществляться иным лицом, а во-вторых, это лицо вправе использовать пространство сети Интернет в ограниченном виде (получение новостной информации и т. п.), что не требует дополнительного оформления собственного виртуального присутствия. В последнем случае человек оставит в виртуальном пространстве цифровые следы своего присутствия, но не цифровую личность.

Вероятность появления цифровой личности возникает тогда, когда человек осуществляет процедуру регистрации на определенном сайте для получения возможности полноценного использования соответствующего пространства. Для того чтобы зарегистрироваться на сайте, человек должен предоставить

о себе информацию, в частности, имя, отчество (при наличии), фамилию, дату рождения, пол и т. п. Также необходимо указать *логин*, т. е. уникальное имя пользователя, по которому и происходит вход в систему сайта. Контроль за вводимой информацией осуществляется в минимальных границах. Представленные условия создают почву для регистрации на сайтах без указания достоверной информации о пользователе и создания фальшивых аккаунтов.

Правила пользования социальными сетями или почтовыми сервисами возлагают на человека обязанность предоставить при регистрации актуальную и достоверную информацию, запрещают создание фальшивых аккаунтов. Можно утверждать, что несмотря на распространенность использования псевдонимов и наличия вторых страниц, создавшие их люди пользуются доступом к сайту и его функционалом на свой страх и риск, т. к. все созданные ими данные, накопленная информация и прочее в любой момент могут стать им недоступны. Аккаунт, созданный с нарушением установленных правил, является не только не правомерным, но и не может породить цифровую личность.

Однако вопрос появления цифровой личности при использовании в процессе регистрации достоверных данных остается открытым. На сегодня многие повседневные процессы жизнедеятельности частично или полностью перешли в киберпространство, что затрудняет определение того, с кем именно происходит взаимодействие в виртуальном мире: с биологическим субъектом, находящимся по ту сторону экрана, или обособленной цифровой личностью. Указанная ситуация схожа по своей сути с оригинальным вопросом, поставленным Д. В. Пятковым: «Человек есть физическое лицо или у человека есть физическое лицо?» [6, с. 33], который можно перефразировать в рамках рассматриваемого вопроса как «Человек есть цифровая личность или у человека есть цифровая личность?».

В случае признания цифровых прав и свобод лишь новой формой уже существующих оффлайн прав и свобод, то и содержание цифровой жизни должно рассматриваться как продолжение реальной жизни человека. При подобных условиях конституционное право на жизнь выступает базой для иных прав и свобод не только в оффлайн-пространстве, но и в виртуальном мире.

Впрочем, если оффлайн права и свободы, базирующиеся на праве на жизнь, не имеют последующей градации и иерархии, они все доступны человеку и / или гражданину без предварительного использования иного правомочия в качестве основы, то для виртуального пространства характерно базирование через право на информацию. Все действия, совершаемые

⁸ Об основах охраны здоровья граждан в РФ. ФЗ № 323-ФЗ от 21.11.2011. СПС КонсультантПлюс.

в сети Интернет, представляют собой деятельность через передачу, получение и распространение информации: текстовой, аудиальной, графической, зашифрованной и т. п. Таким образом, если ограничить право на информацию, в частности, возможность ее передачи и распространения, то реализовать иные права в цифровой среде будет невозможно.

Следовательно, в подобной ситуации необходимо утверждать не о цифровой личности, а о создании цифрового образа реального человека. Цифровой образ системы реального мира, как указывает доктор технических наук А. В. Бухановский⁹, это комплекс взаимосвязанных компьютерных моделей и данных, позволяющий воспроизводить разнообразие состояний объектов и субъектов реального мира во внешней среде, исходя из их назначения, для задач поддержки или принятия решений. Сообщая о *данных*, подразумевается аналог человеческой памяти, т. е. та информация, которую в дальнейшем извлекают, адаптируют к текущей ситуации и используют. В то время как под *моделями* понимают отношения между данными (извлечение, адаптация, использование и др.), которые позволяют на основе осознанного и линейного опыта получать по одним характеристикам другие. Цифровой образ не отделим от человека, не существует обособленно и автономно. Он не обладает способностями мыслить и самообучаться, а необходим только для упрощения совершаемых действий, т. е. является цифровым аватаром человека и позволяет реализовывать полномочия в киберпространстве, в которое человек не может попасть при помощи своего физического тела.

Данные и модели являются средствами и способами, через которые реализуется право на информацию. В итоге получается, что в рамках отмеченного подхода нельзя утверждать о полноценном праве на цифровую жизнь. Речь идет исключительно о сочетании права на жизнь для физически существующего человека и права на информацию для его цифрового образа. В случае разделения оффлайн-прав и свобод и их цифровых аналогов необходимо высказываться хоть о похожих, но принципиально разных явлениях.

В теневом сегменте сети Интернет существуют предложения по продаже цифровых личностей, под которыми понимаются данные аккаунтов в социальных сетях, банковские реквизиты, удаленный доступ к серверам или рабочим столам, информация с сервисов

Uber, Netflix и Spotify, игровых ресурсов, приложений для знакомств и иных сайтов¹⁰. Здесь речь идет не о цифровых личностях как таковых, а о комплексном понимании цифрового образа, который человек сам себе формирует, создавая аккаунты, вводя требуемую и дополнительную информацию, совершая действия и т. п. Продаже подлежит информация о личности человека, имеющаяся о нем в сети Интернет, а не его цифровая личность.

Из этого следует, что поиск вариантов, которые могут породить цифровую личность в рамках отдельной отрасли права – цифрового права, необходимо осуществлять вне пределов обыденного использования человеком цифровой среды. Особенно требуется обратить внимание на варианты, предусматривающие совершенно иную степень автономности цифровой личности.

Согласно позиции А. В. Бухановского¹¹, цифровая личность – это система взаимосвязанных данных, компьютерных моделей и априорных механизмов выводов надпредметного характера, позволяющая воспроизводить (имитировать) процессы сознательной деятельности человека при взаимодействии (исследовании, эксплуатации, разработке) с объектами предметной области и другими личностями (цифровыми, реальными). При этом А. В. Бухановский выделяет два типа цифровых личностей в зависимости от наличия или отсутствия первоначального прообраза, а именно: абстрактную цифровую личность и ассоциированную цифровую личность. Под абстрактной цифровой личностью понимается синтетическая личность с удобными для использования характеристиками, обучаемая на цифровых профилях, в том числе реальных людей, в то время как ассоциированная цифровая личность сохраняет и развивает особенности оригинальной личности-прототипа, исходя из его цифрового профиля. Иными словами, имеется в виду полноценный искусственный интеллект, который представляет виртуальному миру либо выдуманного персонажа, способного осуществлять процессы, по механизму похожие на человеческое мышление, либо проекцию реального человека, которая способна функционировать без постоянного контроля и направления от своего создателя или прототипа.

Так, «португальский сервис, работающий в бета-режиме, Eter9¹², представляет собой социальную сеть, основанную на искусственном интеллекте. Получив

⁹ Бухановский А. В. Экосистема цифровой личности. *Новая Голландия / New Holland Island*. 30.07.2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rGDemr31AEs> (дата обращения: 01.01.2024).

¹⁰ Мельникова Ю. «Цифровая личность» за копейки. *ComNews*. URL: <https://www.comnews.ru/content/115730/2018-11-12/cifrovaya-lichnost-za-koreyki> (дата обращения: 01.01.2024).

¹¹ Бухановский А. В. Экосистема цифровой личности...

¹² Новая соцсеть обещает всем цифровое «бессмертие». *Научная Россия*. 24.08.2015. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/novaja-socsetj> (дата обращения: 01.01.2024).

информацию из Facebook-аккаунта¹⁵ зарегистрировавшегося лица, самообучающаяся нейросеть создает виртуальную копию человека, что позволяет ей в отсутствии самого человека осуществлять от его лица виртуальную активность (писать посты, комментировать и т. п.) так, как это делал бы сам человек» [7, с. 360].

Вопрос обучаемости подобных явлений еще не до конца исследован, а значит, что гарантированно предсказать направленность такого развития невозможно. Например, как оценивать сделанный без контроля реального человека пост, который оскорбил чувства верующих, ведь Верховный Суд РФ¹⁴ четко указал, что необходимо обнаружить умысел на достижение соответствующей цели.

Правовые основы искусственного интеллекта должны детально и подробно рассматриваться в рамках отдельного исследования, однако представляется допустимым обозначить определенный вектор развития правовой мысли в контексте возможности существования цифровой личности. Речь идет о том, что для появления цифровой личности, обладающей правом на цифровую жизнь, должен существовать цифровой аналог процедуры рождения. Так как появление искусственного интеллекта не является произвольным, то *цифровое рождение* должно быть связано с волевыми действиями лица или группы лиц, выступающих в роли условного родителя. В период, когда человеческий ребенок взрослеет и проходит период первичного обучения (который в дальнейшем станет базой для самообучения), он не является дееспособным лицом. Таким образом, основываясь на указанной ситуации, можно провести аналогию: создание искусственного интеллекта как цифровой личности также должно быть связано с наличием субъекта, его контролирующего, родителя (создателя) или опекуна (лица, которому был передан контроль над искусственным интеллектом). В рамках представленной ситуации можно сделать вывод, что человек способен обладать цифровой личностью, имеющей ограниченную дееспособность.

Обозначенный подход, несомненно, подразумевает рассмотрение вопроса о том, возможно ли создание цифровой личности, обладающей полной дееспособностью и являющейся обособленным субъектом права? Предоставление такого статуса должно обозначать, что искусственный интеллект вышел из-под контроля человека и стал самостоятельно нести ответственность

за совершенные им действия. Несмотря на теоретическую допустимость такого варианта развития событий, представляется правильным учитывать объективную действительность, в том числе правового характера, которая в настоящий момент не способна адекватно воспринять подобные действия и корректно встроить их в устоявшийся уклад общества. На сегодняшний день существуют примеры того, когда человекоподобным роботам предоставляли гражданство [8], однако в этом усматривается не реальное появление самостоятельной цифровой личности, а способ привлечения внимания к соответствующим технологическим разработкам.

Безусловно, это не единственные сложности такого рода цифровых личностей. Например, дискуссионным является вопрос о том, сколько цифровых личностей может создать один человек? [9–13]. Если он создаст несколько версий самого себя, то цифровой личностью будет восприниматься их совокупность или каждая версия в отдельности?

Если в указанном выше случае речь идет о цифровой личности, созданной самим человеком на основе своих собственных данных, то ситуация создания цифровых личностей других людей (например, умерших родственников¹⁵ и друзей¹⁶) или автономное функционирование придуманной личности вызывают еще больше вопросов.

Во-первых, урегулированию должен подлежать вопрос получения разрешения на создание цифровых личностей других людей. Современное законодательство содержит нормы, позволяющие родственникам, например, предоставлять разрешение использовать изображение умершего человека (ст. 152.1 ГК РФ), давать согласие на издание его произведений, съемки фильма (ст. 1267, 1268 ГК РФ) и т. п., но создание цифровой личности имеет совершенно иную юридическую природу. Так, голографический аватар может быть использован для съемок в тех произведениях, передачах, в которых сам человек при жизни сниматься не соглашался. При создании чат-бота в нейросеть есть возможность загрузить не только реальные данные о человеке, но и мысли, идеи, которые человек прижизненно не поддерживал и не разделял. Обозначенные проблемы требуют законодательного регулирования, например, установления запрета на создание цифровых личностей без прямого прижизненного согласия человека, выступающего прообразом, причем только в тех

¹⁵ Компания Meta Platforms, владеющая социальными сетями Facebook и Instagram, признана экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории РФ.

¹⁴ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 28.06.2011 (ред. от 28.10.2021). СПС КонсультантПлюс.

¹⁵ Vlahos J. A Son's Race to Give His Dying Father Artificial Immortality. *Wired*. URL: <https://www.wired.com/story/a-sons-race-to-give-his-dying-father-artificial-immortality/> (accessed 1 Jan 2024).

¹⁶ Newton C. Speak, Memory. When her best friend died, she rebuilt him using artificial intelligence. *The Verge*. URL: <https://www.theverge.com/a/luka-artificial-intelligence-memorial-roman-mazurenko-bot> (accessed 1 Jan 2024).

пределах, которые будут оговорены в соответствующем документе. Иной подход к решению данного вопроса может породить *цифровое рабство*, когда авторитет известного человека будет использоваться через его виртуальное воплощение другими людьми.

Во-вторых, вероятность создания абстрактной цифровой личности полностью связана с таким явлением, как искусственный интеллект, но современное регулирование искусственного интеллекта находится в зачаточном состоянии. Категория *искусственный интеллект* впервые была закреплена на подзаконном уровне Указом Президента РФ № 490 от 10.10.2019 «О развитии искусственного интеллекта в РФ»¹⁷, а позже была перенесена в ФЗ № 123-ФЗ от 24.04.2020 «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте РФ – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 ФЗ «О персональных данных»¹⁸. Согласно пп. 2 п. 1 ст. 2 указанного закона, искусственный интеллект – это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Представленное определение подвергается критике со стороны ученых и практиков, т. к. считается излишне широким. С одной стороны, широкое определение искусственного интеллекта позволяет охватить обширный круг возможных достижений в развитии искусственного интеллекта и в перспективе отнести к данной категории новые разработки, которые на текущий момент науке не известны. С другой стороны, широкое определение не вносит ясности в понимание того, что является искусственным интеллектом, а что нет¹⁹. В научных кругах нет единства мнений и насчет критериев и дефиниции искусственного интеллекта [14, с. 33–42]. Но мы все же можем отметить несколько критериев, которые в той или иной формулировке выделяет большинство исследователей: самостоятельность, самообучение и имитация мыслительных и когнитивных процессов.

В результате категория *цифровые личности*, в частности *абстрактная цифровая личность*, способна получить закрепление только после того, как будут приняты нормативные правовые акты, регулирующие основные

базовые положения об искусственном интеллекте. Создание и развитие доктрины и правового регулирования цифровых личностей будет полностью зависеть от того, какую позицию займет законодатель в отношении искусственного интеллекта. В данном случае человек не будет являться цифровой личностью, а будет этой личностью обладать. Причем важно отметить, что если цифровая личность может переживать свой прообраз и / или своего создателя, то регулированию должен также подлежать вопрос перехода контроля за такой цифровой личностью в случае закрепления за ней ограниченной дееспособности [15–25].

Обсуждение

За последние годы в российской юридической доктрине увеличился интерес к вопросам цифрового присутствия человека в пространстве сети Интернет [15–21], но назвать его масштабным или массовым пока нельзя. Важно отметить, что приведенные исследования имеют разную направленность: несмотря на то, что речь идет примерно об одном и том же (о человеке и его действиях в виртуальном пространстве), каждый исследователь делает акцент на разном и выбирает собственный угол обзора этих вопросов.

Ю. В. Ерохина и Е. А. Тохтуева рассматривают модель цифрового двойника, под которым понимается «цифровая копия (модель) конкретного человека, созданная цифровыми сервисами с использованием персональных данных для генерирования нового контента, воспроизводящего социальное поведение после физической смерти или умственной / физической недееспособности человека» [22, с. 79]. Фактически такое видение соотносится с одной из вариаций цифровой личности – ассоциированной цифровой личностью, созданной на основе данных реального человека. Но использование термина *двойник* порождает вопрос о том, насколько цифровое воплощение в действительности соответствует своему прототипу, т. к. даже незначительная недостоверность и / или неполнота данных может значительно исказить получившийся результат.

Д. В. Санников уделяет внимание компонентам цифрового образа, а именно цифровым следам (результат цифрового присутствия, осуществленного самим субъектом за счет деятельности и с помощью своих устройств) и цифровой тени (цифровое присутствие, осуществляющееся без участия самого субъекта за счет деятельности и устройств третьих лиц) [23], взятыми за основу из Методических рекомендации по организационной защите физическим лицом своих

¹⁷ О развитии искусственного интеллекта в РФ. Указ Президента РФ № 490 от 10.10.2019. СПС КонсультантПлюс.

¹⁸ О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте РФ – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 ФЗ «О персональных данных». ФЗ № 123-ФЗ от 24.04.2020. СПС КонсультантПлюс.

¹⁹ Сазонова М. Искусственный интеллект и право: есть контакт? ИПП Гарант.

персональных данных, разработанных рабочей группой по вопросам организационной защиты персональных данных Консультативного совета при уполномоченном органе по защите прав субъектов персональных данных (Роскомнадзор)²⁰. Автор анализирует эти категории во взаимосвязи с категориями *персональные данные* и *общедоступная информация*, связывая цифровой образ с правом на неприкосновенность частной жизни, т. е. аналогично усматривает правовую базу для цифрового образа в правах и свободах, уже закрепленных для офлайн-пространства.

Д. В. Лутова предпринимает попытку рассмотрения категории *виртуальная личность*, анализируя различные категории, приводимые современными исследователями (цифровой субъект, электронное лицо, электронная личность, виртуальное лицо и т. д.), в итоге делая вывод, что признание *виртуальной личности* субъектом права возможно только при условии полной ее идентификации с реальным субъектом (физическим или юридическим лицом) [24]. Следовательно, автор ведет речь о категории, сопоставимой с категорией *цифровой образ*, представленной в данной статье.

Л. Ю. Новицкая поставила вопрос правосубъектности *цифрового аватара*, под которым подразумевает искусственный интеллект, в определенных случаях способный принять на себя роль «независимого цифрового представителя» [25, с. 134]. Видится, что данный подход затрагивает категорию *цифровая личность*, преимущественно абстрактную цифровую личность, управляемую физическим лицом, но не обязательно созданную по его образу и подобию.

Таким образом, вполне возможно сделать вывод, что проведенное исследование содержит в себе точки соприкосновения с иными исследованиями в рамках заявленной темы, что в дальнейшем может позволить разработать комплексную модель цифрового присутствия человека, в которой будут учтены все аспекты обнаруженных вариантов взаимодействия физического лица и виртуального пространства.

Заключение

Анализ различных взглядов на теоретико-правовые основы права на жизнь, информацию, искусственный интеллект, цифровые права и свободы позволяет сделать ряд выводов:

1. Под правом на жизнь следует понимать не только право на физиологическое существование, но и социально-экономический аспект как законодательно обеспеченную возможность существования личности в обществе, которая появляется у человека с момента рождения и прекращается с наступлением смерти.

2. Для того чтобы рассмотреть возможность появления цифровых личностей в виртуальном пространстве, необходимо определить, являются ли цифровые права и свободы новым явлением или только продолжением офлайн-прав и свобод, создавая для них новую территорию и способы реализации.

3. В зависимости от позиции по вопросу отождествления или обособления прав и свобод и их цифровых аналогов появляются либо цифровые образы, либо цифровые личности.

4. В случае признания цифровых прав и свобод продолжением прав и свобод, существующих в офлайн-пространстве, в сети Интернет человек создает свой цифровой образ, посредством которого он реализует свои права и свободы в виртуальном пространстве.

5. В рамках цифрового образа конституционное право на жизнь выступает базой для иных прав и свобод не только в офлайн-пространстве, но и в виртуальном мире. Однако если офлайн права и свободы, базирующиеся на праве на жизнь, не имеют последующей градации и иерархии, они все доступны человеку и / или гражданину без предварительного использования иного правомочия в качестве основы, то для виртуального пространства характерно базирование через право на информацию.

6. В случае обособления цифровых прав и свобод от их реальных аналогов можно констатировать о потенциальной возможности появления в рамках законодательства такого явления, как цифровые личности. Но по причине того, что цифровые личности должны базироваться на искусственном интеллекте, правовое регулирование данного явления на сегодняшний момент не представляется возможным, т. к. требует предварительного полноценного появления в законодательстве положений об искусственном интеллекте. Содержание права на цифровую жизнь в этом случае будет напрямую зависеть от выбранного законодателем подхода.

Таким образом, отвечая на вопрос, поставленный в заглавии статьи, правильной формулировкой будет являться следующее: человек есть цифровой образ, и у человека может быть цифровая личность.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interest: The author declared no potential conflicts of interest in relation to the research, authorship and/or publication of this article.

²⁰ Методические рекомендации по организационной защите физическим лицом своих персональных данных, разработанных рабочей группой по вопросам организационной защиты персональных данных Консультативного совета при уполномоченном органе по защите прав субъектов персональных данных. С. 34. URL: https://rkn.gov.ru/docs/MR_itog.docx (дата обращения: 01.01.2024).

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-78-01133 «Цифровизация прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации». <https://rscf.ru/project/23-78-01133/>

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 23-78-01133: Digitalization of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation. <https://rscf.ru/project/23-78-01133/>

Литература / References

1. Солдаткина О. Л. Цифровое право: особенности цифровой среды и субъекты. *Государство и право*. 2019. № 12. С. 113–123. [Soldatkina O. L. Digital law: features of the digital environment and subjects. *State and Law*, 2019, (12): 113–123. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S013207690007824-8>
2. Кириллова Е. А., Зульфугарзаде Т. Э., Метелёв С. Е. Институт цифровых прав в гражданском праве России. *Правоприменение*. 2022. Т. 6. № 1. С. 245–256. [Kirillova E. A., Zulfugarzade T. E., Metev S. E. The institute of digital rights in Russia civil law. *Pravoprimenenie*, 2022, 6(1): 245–256. (In Russ.)] [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6\(1\).245-256](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6(1).245-256)
3. Кашлакова А. С. Право на жизнь человека: трудовой аспект. *Трудовое право в России и за рубежом*. 2011. № 3. С. 21–23. [Kashlakova A. S. Right to human life: labor aspect. *Labor law in Russia and abroad*, 2011, (3): 21–23. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/oigrnb>
4. Невинский В. В. Право человека на достойную жизнь в системе конституционных ценностей России (не взятый рубеж постсоветской истории). *Конституционное и муниципальное право*. 2018. № 12. С. 56–65. [Nevinsky V. V. The human right to a decent life in the system of constitutional values of Russia (an unconquered milestone of the post-Soviet history). *Constitutional and Municipal Law*, 2018, (12): 56–65. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yqhksd>
5. Канакова А. Е. Понятие и содержание права на жизнь в Российской Федерации. *Пробелы в российском законодательстве*. 2021. Т. 14. № 4. С. 187–196. [Kanakova A. E. The concept and content of the right to life in the Russian Federation. *Gaps in Russian legislation*, 2021, 14(4): 187–196. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kjdlau>
6. Пятков Д. В. Лица людей. *Российский юридический журнал*. 2012. № 5. С. 33–40. [Pyatkov D. V. Persons of people. *Russian Juridical Journal*, 2012, (5): 33–40. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/nruslr>
7. Васильев А. А., Шпоппер Д., Стоилов Я. Б., Ибрагимов Ж. И., Матаева М. Х., Мамычев А. Ю., Насыров Р. В., Ветренко И. А., Напалкова И. Г., Сорокин В. В., Аничкин Е. С., Ким Ю. В., Морхат П. М., Дремлюга Р. И., Минникес И. А., Овчинников А. И., Акимова И. Л., Китновская О. В., Куликов Е. А., Анисимова И. А., Мазуров В. А., Стародубцева М. А., Канакова А. Е., Серегин А. В., Осинский А. С., Мухопад В. В., Печатнова Ю. В., Реммих Е. А. Трансформация права в цифровую эпоху. Барнаул: АлтГУ, 2020. 432 с. [Vasiliev A. A., Shopper D., Stoilov Ya. B., Ibragimov Zh. I., Matayeva M. H., Mamychev A. Y., Nasyrov R. V., Vetrenko I. A., Napalkova I. G., Sorokin V. V., Anichkin E. S., Kim Yu. V., Morhat P. M., Dremlyuga R. I., Minnikes I. A., Ovchinnikov A. I., Akimova I. L., Kitnovskaya O. V., Kulikov E. A., Anisimova I. A., Mazurov V. A., Starodubtseva M. A., Kanakova A. E., Seregin A. V., Osinsky A. S., Muhopad V. V., Pechatnova Y. V., Remmich E. A. *Transformation of law in the digital age*. Barnaul: ASU, 2020, 432. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/paytix>
8. Семцова С. И. Роботы среди нас или к вопросу о целесообразности приобретения искусственным интеллектом (ИИ) гражданства. *Актуальные проблемы юриспруденции в условиях цифровизации общества: VI Всерос. науч.-практ. конф. (Симферополь, 11 ноября 2021 г.) Симферополь: ФГАОУ ВО КФУ им. В. И. Вернадского, 2021. С. 142–145. [Semtsiva S. I. Robots among us: expediency of acquisition of citizenship by artificial intelligence(s). *Actual problems of jurisprudence in the conditions of digitalization of society: Proc. VI All-Russian Sci-Prac. Conf.*, Simferopol, 11 Nov 2021. Simferopol: Vemadsky CFU, 2021, 142–145. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vfepety>*
9. Данилов Н. А., Силкин В. В. Правовое регулирование доступа к информации пользователя сети Интернет после его смерти: сравнительно-правовое исследование. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2021. Т. 17. № 1. С. 86–101. [Danilov N. A., Silkin V. V. Legal regulation of access to information of the Internet user after his death: comparative legal research. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2021, 17(1): 86–101. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/jflcl.2021.010>
10. Turkle S. *Life on the screen: Identity in the Age of the Internet*. New York: Simon & Schuster, 1995, 347.
11. Turkle S. Cyberspace and Identity. *Contemporary Sociology*, 1999, 28(6): 643–648. <https://doi.org/10.2307/2655534>
12. Wiszniewski D., Coyne R. D. Mask and Identity: The Hermeneutics of Self-Construction in the Information Age. *Building Virtual Communities*, 2002, 191–214. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511606373.012>

13. Georges F., Seilles A., Artignan G., Arnaud B., Rodriguez N., Sallantin J., Hascoët M. *Sémiotique et visualisation de l'identité numérique: une étude comparée de Facebook et Myspace*. 2009. URL: https://hal.science/file/index/docid/410952/filename/semiotique_finale.pdf (accessed 28 Sep 2023).
14. Архипов В. В., Бакуменко В. В., Волынец А. Д., Наумов В. Б., Побрызгаева Е. П., Сарбаш С. В., Смирнова К. М., Тытук Е. В. Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта. М.: Инфотропик Медиа, 2018. 232 с. [Arkhipov V. V., Bakumenko V. V., Volynets A. D., Naumov V. B., Pobryzgaeva E. P., Sarbash S. V., Smirnova K. M., Tytyuk E. V. *Regulation of robotics: introduction to "robot law". Legal aspects of the development of robotics and artificial intelligence technologies*. Moscow: Infotropik Media, 2018, 232. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/frflmk>
15. Провалинский Д. И. Правовой статус личности в цифровом пространстве. *Правосудие*. 2023. Т. 5. № 1. С. 38–53. [Provalinsky D. I. Legal status of the person in the digital space. *Justice*, 2023, 5(1): 38–53. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37399/2686-9241.2023.1.38-53>
16. Персидская О. А. Феномен цифровой личности: в поиске оснований концептуализации. *Человек.ru*. 2022. № 17. С. 114–136. [Persidskaya O. A. The phenomenon of digital personality: in search of the foundations of conceptualization. *Chelovek.ru*, 2022, (17): 114–136. (In Russ.)] <https://doi.org/10.32691/2410-0935-2022-17-114-136>
17. Попова Д. А. Цифровая личность как центральный элемент межперсонального интернет-дискурса. *Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура*. 2019. № 2. С. 87–91. [Popova D. A. Digital personality as a central element of interpersonal Internet discourse. *Bulletin of Buryat State University. Language. Literature. Culture*, 2019, (2): 87–91. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/jqhkrx>
18. Чернышенко И. Г. Правовая охрана цифрового образа личности. *Законодательство*. 2022. № 4. С. 54–58. [Chernyshenko I. G. Digital protection of digital personas. *Legislation*, 2022, (4): 54–58. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/awebwr>
19. Ковальчук М. А. Проблема особенностей личности нового типа в цифровом обществе. *Теоретическая экономика*. 2022. № 11. С. 56–68. [Kovalchuk M. A. The problem of the characteristics of a new type features of personality in a digital society. *Teoreticheskaya ekonomika*, 2022, (11): 56–68. (In Russ.)] https://doi.org/10.52957/22213260_2022_11_56
20. Тищенко В. И. Цифровое пространство личности. *Труды Института системного анализа Российской академии наук*. 2022. Т. 72. № 4. С. 51–61. [Tishchenko V. I. Digital space of the person. *Trudy Instituta sistemnogo analiza Rossiiskoi akademii nauk*, 2022, 72(4): 51–61. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14357/20790279220406>
21. Маринова Е. В. Эволюция понятия «виртуальная личность» в цифровую эпоху (социолингвистическое исследование на материале русских текстов). *Научный диалог*. 2023. Т. 12. № 1. С. 151–169. [Marinova E. V. Evolution of concept virtual personality in digital age (a sociolinguistic study based on Russian texts). *Nauchnyi Dialog*, 2023, 12(1): 151–169. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-1-151-169>
22. Ерохина Ю. В., Тохтуева Е. А. Модель цифрового двойника в контексте цифрового посмертия: правовой анализ. *Информационное общество*. 2023. № 1. С. 77–87. [Erokhina Yu. V., Tokhtueva E. A. Digital twin model in the context of digital afterlife: legal analysis. *Information Society*, 2023, (1): 77–87. (In Russ.)] https://doi.org/10.52605/16059921_2023_01_77
23. Санников Д. В. Цифровой след и цифровая тень в контексте изучения цифрового образа гражданина. *Право и экономика*. 2023. № 10. С. 18–22. [Sannikov D. V. Digital footprint and digital shadow in the context of studying an individual's digital image. *Law and Economics*, 2023, (10): 18–22. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qeyxir>
24. Лутова Д. В. Виртуальная личность: доктринальные и практические проблемы идентификации субъектов. *Уральский журнал правовых исследований*. 2022. № 2. С. 68–73. [Lutova D. V. Virtual personality: doctrinal and practical problems of identification of subjects. *Ural Journal of Legal Research*, 2022, (2): 68–73. (In Russ.)] https://doi.org/10.34076/2658_512X_2022_2_68
25. Новицкая Л. Ю. Правосубъектность «цифрового аватара». *Ленинградский юридический журнал*. 2021. № 3. С. 128–136. [Novitskaya L. Yu. Legal personality of the "digital avatar". *Leningrad Law Journal*, 2021, (3): 128–136. (In Russ.)] https://doi.org/10.35231/18136230_2021_3_128